

УДК 94 (476)

А.Ю. Бодак

*канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: bodak1961@yandex.ru*

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕСТНЫХ КАДРОВ К РАБОТЕ В ОРГАНАХ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГАНЦЕВИЧСКОМ РАЙОНЕ
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена проблеме установления советской власти в регионе западной Беларуси в период, который предшествовал Великой Отечественной войне, на примере Ганцевичского района. Одним из ключевых вопросов организации новой жизни в воссоединенных областях стало привлечение к руководству района представителей местного населения. Этот процесс оказался очень сложным и потребовал больших усилий со стороны органов советской власти. К лету 1941 г. задача в целом оказалась решена, но ее окончательное решение прервала война.

В связи с воссоединением БССР осенью 1939 г. во вновь образованных районах республики остро стал кадровый вопрос. Руководить здесь без привлечения местных жителей было невозможно, и партийные и советские структуры начали работу по отбору и воспитанию местных кадров. Путь этот оказался сложным. Обнаружилось много проблем и кадровых ошибок, людей приходилось учить практически с нуля. Потому можно оценить масштабность этой работы, которая продолжится и в послевоенные годы, а закончится тем, что в этих районах будет выстроена крепкая и динамичная кадровая система. В статье излагается история становления кадровой системы в Ганцевичском районе, который входил в 1940–1954 гг. в состав Пинской области.

Начало этого пути было крайне трудным. Образование и воспитание части будущих руководящих кадров оставляло желать лучшего: в низовых структурах хозяйственных учреждений оставалось много людей, к которым у соответствующих органов возникали неизбежные вопросы. Кроме того, долгое время у приезжего начальства будет сохраняться ярко выраженный синдром недоверия и подозрительности к местным выдвиженцам.

В течение 1940 г. руководителями района выступали «восточники», которые неоднократно это демонстрировали. Так, 8 апреля на районном партсобрании заведующий районным земельным отделом Чеботарев заявлял: «Штат набрали из местных жителей, а они не могут работать с людьми» [1, л. 15]. Ему вторил заведующий Райпотребсоюзом Пикман: «У нас работает много бывших торговцев и спекулянтов» [9, л. 10]. Представитель райкома Сохар отмечал, что в Круговичах «некий Купайчик организовал МОПровскую партию (МОПРа – международная организация помощи рабочим – А. Ю.), его избрали председателем, а жену секретарем» [1, л. 12].

Иногда руководители из местных позволяли себе довольно независимые высказывания. Так, начальник Хотыничского участка Наркомстройпромхоза Фиш, не скрывая, что при польской власти имел в Столбцах лесопильный завод, а два последние «польские» года имел с братом чайную и кондитерскую в Ганцевичах, в ответ на критику творимых им безобразий, заявлял: «На меня кидали грязь и ни черта мне не сделали и не сделают, а вы все остались в дураках» [5, л. 25].

Откровенные высказывания местных руководителей оказались зафиксированы в ряде доносов местных жителей на председателя Чудинского сельсовета Каско,

по мнению райкома, ставшего «на антисоветский путь». В доме Михаила Захарчени он говорил: «Мабыть там, в СССР в колхозах плохо. Моя баба рассказывала, что из Семейева приходила жабровать женщина очень оборванна. Если бы хорошо – не кинули бы там работу. Им там не дают сена косить, охоту отбивают, коров не держат и голодные. Из Минска говорят, что наших хлопцев высылают за то, что говорят правду». Как сообщал информатор, он «говорил и тяжело-тяжело вздыхал». По мнению руководства, он не запрещал разговоров колхозников, подобных тому, что состоялся в мае на общем собрании: «Кабы знал хорошо все раньше, ни за что своего коня в колхоз бы не обогулил». На кустовом совещании председателей сельсоветов в Лунинце в июне 1940 г. он посетовал Сергеене Василю Захаровичу: «Скоро на нас войной пойдут. Эх, знал бы это, никогда не вступил бы в эту организацию. Почему я тогда не заболел?» [8, л. 3].

Особо следует сказать о председателе Мальковичского сельсовета Хилютиче Павле Прокофьевиче, о поведении которого красноречиво свидетельствовали записки как местных активистов, так и представителей районных властей. Необходимо отметить, что некоторые сообщения о его поведении похожи на сведение счетов и наветы. Тем не менее у него явно были и выходы, которые заставляли районное начальство верить тому, что сказано. На президиуме сельсовета по лесозаготовкам 27 августа 1940 г. он заявил: «Народ не может продать сено государству, ибо накосили мало из-за непогоды, и сено не дома, на лугах и болотах» (его слова поддержал член сельсовета Федор Максимович Малявко из Задубья) [5, л. 10]. 11 сентября 1940 г. он вызвал 11 допризывников из д. Липск, а сам уехал в Задубье. Тогда же написали, что он «приходит на работу только к 11-ти часам» [5, л. 11]. В октябре 1940 г. отмечалось, что П.П. Хилютич не подает пример недисциплинированности и «до сих пор» не уплатил сельхозналог и страховки, не сдал зерно- и картофелепоставки [5, л. 6]. Тогда же он с помощником прокурора, согласно донесению, «заявились самоснабжением»: в рабочее время в магазине Белостокского текстильного треста «купили по пальто и чем-то затоварились на лесопильном заводе» [19, л. 10].

В ноябре председатель Мальковичского сельсовета оказался замешан в серьезном правонарушении, о котором свидетельствует документ, приведенный без комментариев: «10.11. в Ганцевичи был доставлен Страх В.Д. Вечером 8.11. он пришел в клуб д. Мальковичи, где шла культурная постановка. После при клубе – квартира гражданки Ваверек Анны. Страх и Рогатко пригласили туда завклубом Кветко и председателя сельсовета Хилютича. Страх начал похабно приставать к Ваверек. Вызвали милиционера Крицкого. Страх начал драться кулаками, потом ушел в поселок потребовал у гр. Шепелевича топор или нож. Тот не дал, тогда Страх выдрал из телеги Шепелевича железный сердечник и вернулся в клуб, хотел дать по голове Хилютичу. Его обезоружили и вывели из клуба. Видя озверевшего Страха, вооруженного железным сердечником, молодежь из клуба разбегалась, в панике полезли в окна и двери. Гад признал себя виновным, но заявил, что милиционер и председатель сельсовета его сами избili в квартире Ваверек и во дворе клуба. Его уперли в Пинскую тюрьму с вещдоком – железным сердечником» [7, лл. 16–17].

12 января 1941 г. Хилютич собрал допризывников по постановке на учет в райвоенкомат и ругался на них «отборной матерной бранью». Допризывник Иван Петрович Милевский озадаченно заметил: « При панской Польше так не ругались, когда шли в армию, а председатель сельсовета, избранный народом, а ругается» [5, л. 22об].

В тот же день на собрании в Куково он грозил, что если крестьяне не выполнят план лесозаготовок и вывоз за 4 квартал, то тамошние депутаты ответят своей головой.

Угрозы продолжились 16 января, когда в Хотыничах на собрании по заготовке леса и вывозу древесины, он посулил крестьянам: «Кто завтра не выедет в лес – будьте уверены, что я вас переселю в Вологодскую губернию» [5, л. 22об].

19 января 1941 г., когда в сельсовете проходило собрание по заготовкам и вывозу, «Хилютич и Кулан (секретарь сельсовета) не смогли руководить собранием, и правление взяло собравшихся в свои руки». 30 января Кулан собрал собрание в Роздяловичах, председатель сельсовета кричал, что он тут хозяин и без него они не имеют права собираться. Приехавшему уполномоченному заготовке сена и просившего провести собрание по закупке сена, он заявил: «Я хозяин и не разрешаю собрание... пускай ко мне приезжает кто хочет, не только с района, но даже из области, я и его могу послать к чертовой матери, потому что я здесь хозяин» [5, лл. 22–23об]. 16 февраля 1941 г. председатель пирова у Каханчика вместе с секретарем райисполкома Ляховым, уполномоченным райисполкома по лесовывозу и лесозаготовкам. Так же там присутствовали депутат сельсовета Петр Карпович Гацук и Федор Игнатьевич Ярошевич. «Информатор» этого события обобщил: «При Польше оба имели собственное кирпичное производство с применением наемной рабочей силы, а Ярошевич имел и батрака в хозяйстве» [5, л. 40].

Председатели сельсоветов несли ответственность перед советской властью за поведение своих «подданных», иногда не желавших идти в ногу с указаниями сверху. Это означало по тогдашней терминологии ослабление бдительности в работе с массами. Немало неприятностей получил председатель Огаревичского сельсовета Иван Александрович Рублевский за инцидент, произошедший в д. Огаревичи 23 июня 1940 г. на собрании по лесозаготовке, лесовывозу и дорожным работам, которое проводил секретарь райисполкома Ляхов. Тот не успел закончить своего выступления, как на сцену вышел местный житель Минич Герасим Андреевич. Он заявил, что раз ему отремонтировали сапоги дорого и недоброкачественно, «мы не пойдем на лесовывозку и заготовку леса, а равно и дорожное строительство, пусть идут те сволочи, которые сидят в Ганцевичах». Народ отреагировал на это выступление аплодисментами и криками «правильно». Тем не менее позже огромное количество людей отправилось на работы не без воздействия председателя сельсовета. Разгневанный Ляхов информировал райком, что он «знает Минича с 1939 г. как настроенного антисоветски. После выступления он вышел не в дверь, а в окно. Нужно принять к нему меры». На донесение Ляхова была наложена злобная резолюция секретаря райкома: «Органам НКВД разобраться» [3, л. 87]. Чтобы самим не стать объектами разбирательства, некоторым председателям приходилось «сдавать» политически неблагонадежных односельчан. Так, в августе 1940 г. председатель Чудинского сельсовета Александр Васильевич Рулинский, не дожидаясь доноса, сам рассказал представителю райкома о том, что сын бывшего председателя колхоза имени Молотова Захарченя Антон Федорович – бывший член польской организации «Стрелец» (упорно именуемой местными «Щелец» – А. Ю.) – ведет агитацию против комсомольской организации колхоза. По дороге из Островчя в Колки он говорил председателю: «Гитлер – гений. Он всех разобьет, в том числе СССР, потому что у советской власти нет ничего, там народ ожидает войны, когда она вспыхнет, народ поднимет восстание и совершит революцию». Об этом он просил никому не рассказывать и держать в тайне [8, л. 11]. Судя по тому, что тайны не вышло, дальнейшая судьба бывшего «стрельца» была незавидной.

17 декабря 1940 г. райком подводил итоги кадровой работы в районе за истекший год. Было отмечено, что в 1940 г. на ответственную руководящую работу выдвинули 688 человек, из них 91 член партии, 93 комсомолец, а остальные – беспартийные.

Из общего количества, местные составили 563 человека (321 белорус, 71 поляк, 20 русских, 138 евреев, 3 украинца и 2 – представители других национальностей) [2, л. 38].

Лучшими из местных представителей власти были названы Антон Степанович Клевец (председатель Ганцевичского сельсовета, депутат Верховного Совета СССР), при котором его сельсовет «стал первым во всем»; Иван Александрович Рублевский (председатель Огаревичского сельсовета, на 100 % выполнил все общественно-политические кампании, построил клуб и 4 школы); Лазарь Моисеевич Шмуклер (председатель Велико-Рожанского сельсовета, «показал класс в идейно-теоретическом уровне»); Василий Игнатович Наумик (финагент по Мальковичскому сельсовету, в работе с единоличниками добился 100 % выполнения финплана); Петровский (агент Ганцевичского Райуполнаркомзага, добился 100 % поставок государству) [2, л. 39].

Ряд местных представителей власти подвергался критике, не всегда обоснованной. Бывшему председателю Чудинского сельсовета Еремею Петровичу Каско вменили в вину, что он при учете земли приписывал землю беднякам и уменьшал кулакам, «связался с кулацкой средой». Бывший председатель колхоза имени 17 Сентября Кузьмин «развалил работу в колхозе, не прислушивался к голосу лучших колхозников и колхозниц, был связан с бывшим солтысом и кулаками» [2, л. 40] (хотя на самом деле им припомнили критические высказывания в адрес некоторых непродуманных властных мероприятий).

Всего за 1940 г. было снято с работы как «не справившихся и не оправдавших доверие» 13 человек, из них 8 местных. Все они «не работали над повышением теоретического уровня и не изучали историю партии» [2, л. 39]. Среди них были 3 председателя и 2 секретаря сельсоветов. Отдельно сняли 43 человека в Леспромхозе, Стройлеспромхозе и Райпотребсоюзе [2, л. 40].

Для воспитания новых кадров за 1940 г. были направлены на краткосрочные курсы председателей и секретарей сельсоветов 23 человека, председателей сельпо – 3, бухгалтеров сельпо – 4, завмагаов – 5, трактористов – 15, лаборантов заготзерна – 3, начальников участка и мастеров – 4, заведующих школами и учителей – 85, дорожных мастеров – 3, заведующих Домами социалистической культуры – 3, сельхозактива – 50: послано в годичную сельскохозяйственную школу – 12, на курсы трактористов и механиков – 10, в школы ФЗО и железнодорожную школу – 80 [2, л. 40].

Для повышения квалификации работники регулярно сдавали техминимумы: работники торговли, финансовых, почтово-телеграфных, финансово-банковских органов, милиции и лесозаготовительных и лесоразрабатывающих органов. Так же периодически проводились производственно-технические совещания по всем учреждениям и предприятиям, 2 совещания с хозяйственниками по вопросу «выковывания и воспитания кадров». Проводилась и политическая работа – за год местным кадрам было прочитано 28 лекций для изучения «Краткого курса ВКПб», науки, религии и международного положения [4, л. 1].

Вопрос о местных кадрах продолжал стоять остро в первое полугодие 1941 г. вплоть до начала войны. 30 апреля 1941 г. райком раскритиковал сразу 4 сельсовета района. Председателю Круговичского сельсовета (Лисок) досталось за то, что он был тесно связан с Лелесом Василием Михайловичем из д. Медники. Тот, по утверждениям местных жителей, «выдавал властям революционно настроенных крестьян и сейчас враждебен». В нарушении здорового образа жизни были отмечены депутаты Куковского сельсовета Турко Николай Остапович, Богдан Михаил Людвикович и Гордей Герасим, которые пили с Жуковским Тихоном Ивановичем и Запаковским Янко Янковичем

и покрывали их невыполнение гужевой повинности. Это вызывало недовольство крестьян [6, л. 65].

В марте 1941 г. чуть не лишился должности председатель Хотыничского сельсовета – там был закидан грязью портрет Сталина. Подозрения пали на Адама Кононовича, отец которого был «изъят» органами НКВД [10, л. 1].

В том же сельсовете 23 апреля на совещании депутатов по подготовке к празднованию 1 мая депутат Тимошкевич Павел Иосифович говорил: «Мы не должны помогать милиции. Указания милиции для нас не закон, делайте, как кому вздумается, милиция нам ничего не сделает». Сам депутат, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны милиции, гнал самогон. Председатель Хотыничского сельсовета Хилютич накануне 1 мая развел в сельсовете грязь. Местные жители говорили, что он часто ездит в Роздяловичи якобы по службе, «а на деле к бабам, славящимся своей половой распущенностью, – Шемет Екатерине Петровне и Марии Макаревич» [6, л. 72]. Депутат того же сельсовета Охремчик Павел Герасимович, как доложили местные тому же представителю райкома, «враждебен власти недоволен и пускает клеветнические слухи, что Советская власть долго не продержится, а при Польше был связан с полицией» [6, л. 65].

В мае 1941 г. райком неоднократно критиковал местных депутатов – 8 мая житель д. Куков Санько Владимир Федорович подтвердил представителю райкома, что бывший секретарь комсомольской организации д. Остров Куковского сельсовета Тихон при поляках систематически крал и был судим, а на комсомольской работе требовал с кандидатов в члены ВЛКСМ «могарыч» в размере 1 литра водки [6, л. 72]. Тогда же и в том же сельсовете депутат, заведующий магазином Богдан Михаил Людвинович при поступлении в его торговую точку промтоваров, по знакомству отдавал их своим друзьям – депутату Турко Николаю Антоновичу и председателю сельсовета Рублевскому. Турко заявил проявившим недовольство крестьянам, что ему, как депутату, «положено брать в неограниченном количестве» [6, л. 72].

20 мая 1941 г. на стол инструктору райкома легла бумага от жителя д. Хотыничи, в которой говорилось, что депутат райсовета из этого села Гацук Григорий Антонович 2 мая вместе с местным жителем Охремчиком Василием Антоновичем зашел в хату к Ирине Григорьевне Дрозд (жене бывшего солтысы, репрессированного органами НКГБ), где ночевал до утра. В течение ночи он пытался склонить женщину к отношениям, запугивая служебным положением. Когда та отказалась, тот пригрозил увеличением ее налогообложения до 2 000 руб. [6, л. 27].

15 мая 1941 г. в райком поступила с опозданием информация от Герасима Минича по поводу некоторых местных работников, которые еще осенью 1939 г. принимали участие в разграблении имения Опацких в Огаревичах: «После того, как (Константина) Ковша выгнали из совхоза, он сейчас работает в магазине Стройлеспромхоза. Ковш Кастусь работает в лесхозе объездчиком, Ковш Александр Антонович служит на железной дороге стрелочником. Все Ковши в прошлом панские подлизники. Работали тесно с офицерами и полицией, и полиция заезжала в их дома. Ковш Антон замещал полицейского, имел револьвер, был в Лунинце на курсах 2–3 месяца. Прошу принять меры» [11, л. 5]. Иногда подобная информация приобретала характер явного сведения каких-то счетов. Примером может служить отправленная тем же числом записка на своего коллегу от землемера Михан Петра Александровича на имя наркома совхозов Голодушко: «Тихончук Михаил выдал членов КПЗБ Витко Николая (члена КПЗБ с 1926 по 1938 гг.) и Плотко Кастуся из Любашево, который был выдвинут солтысом по заданию КПЗБ»

[11, л. 5]. Возникает неизбежный вопрос: почему этот информатор ждал с осени 1939 г., когда такая информация была бы куда более кстати?

31 мая 1941 г. заместитель завотделом кадров райкома Иванов констатировал на районном партсобрании: «Мы на разные работы выдвинули 130 местных человек, но их плохо воспитываем, например, в сельсоветы выдвинуты новые люди без опыта, а им райисполком не оказывает помощи... Продолжается засоренность кадров – в Круговичском сельпо работает сын дьяка, и другие тоже» [1, л. 57].

Следует отметить, что работа по совершенствованию местных кадров в районе проходила вплоть до 22 июня 1941 г. Сложности субъективного характера постепенно преодолевались и были бы окончательно преодолены, если бы не начало войны, которая временно сорвала процесс окончательного установления Советской власти в регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный Архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 7.
2. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.14.
3. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.16.
4. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д. 18.
5. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.19.
6. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.27.
7. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.28.
8. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.41.
9. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.55.
10. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.135.
11. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.137.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.11.2018

Bodak A. Yu. Attracting Local Personnel to Work in the Soviet Authorities in Gantsevichi District before the Great Patriotic War

This article is devoted to the problem of the establishment of Soviet power in the region of western Belarus in the period that preceded the Great Patriotic War on the example of the Gantsevichi district of the Pinsk region (now the Brest region). One of the key issues of organizing a new life in the reunited areas was the involvement of representatives of the local population to the district leadership. This process turned out to be very difficult and demanded great efforts on the part of the Soviet authorities. By the summer of 1941, the task as a whole was solved, but its final decision was interrupted by the war.